

7. Wang Jide. Cheng Zigao gaizhuang nanhou ji // Sheng Ming zaju. Taipei : Wenguang, 1963. Vol. 9. P. 1–32.

8. Wang Zhuoqiong, Xie Fang. Cross-dressers Captivate People Across China // China daily. 2006. 13 Nov.

9. Wu Zao Qiaoying // Qing ren zaju. Hong Kong : Longmen shudian, 1969.

10. Xianzu shiwen ji. Shanghai : Shanghai Guji Chubanshe, 1982. Vol. 2.

11. Zhang Cixi. Beijing liyuan zhanggu changbian // Qingdai yandu liyuan shiliao. Taipei : Xuesheng Shuju. 1965. Vol. 3. P. 1620–1633.

12. Zhang Xie Zhuangyan // Yongle dadian xiwen sanzong jiaozhu. Beijing : Zhonghua Shuju, 1979. P. 140–198.

Gender philosophy of the Chinese opera

There are analyzed the ways, which helped the traditional Chinese opera to form and transmit the conception of gender status in a society. There are argued the statements that theatre cross-gender change of clothes, on the one hand, threatened the binary construction of Chinese gender, and on the other hand it favoured the consolidation of masculinity ideology.

Key words: *construction of masculinity/femininity, gender representation, cross-gender performers.*

А.А. САРАКАЕВА
(Астрахань)

ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ФЕМИННОСТИ В КУЛЬТУРЕ АМЕРИКАНСКОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА

Рассматривается гендерная картина мира современного американского неоязычества, в частности, присущая этой культуре оценка феминности, ее сущности и свойств. Выявляются проблемы и противоречия, связанные с конструированием новой феминности.

Ключевые слова: *неоязычество, феминность, гендерный статус, женские ценности, сакрализация телесности.*

Одним из так называемых новых религиозных движений второй половины XX – начала XXI в. является неоязычество, представлен-

ное в США такими направлениями, как викка, нордическое язычество, друидизм, шаманизм, феминистское ведьмовство и т.д. Несмотря на большую вариативность в области верования и ритуала, неоязычество порождает достаточно узнаваемую культуру, обладающую собственными специфическими чертами и ценностными акцентами. Среди этих специфических характеристик важное место занимают гендерное видение неоязычников, приоритетное место гендерных проблем в их менталитете и попытка генерировать новые гендерные статусы как для мужчин, так и для женщин.

В викке общепринятым является убеждение, что феминность занимает центральное место в природе и магии. Супруги Фаррары утверждают: «...женщина есть врата в колдовство, а мужчина – ее защитник и ученик» [4, с. 169]. В. Кроули, настаивая на необходимости сексуального энергетического баланса и целостности, тем не менее, тоже отводит феминной силе ведущую роль: «Бог подчиняет свой интеллектуальный мир духовному и интуитивному миру Богини» [3, с. 224]. И сам обмен энергиями происходит в магическом круге под руководством женщины, и только при том условии, что жрица предоставит «... способ и для себя, и для своего партнера-мужчины подняться к вершинам Божественного, объединившись воедино» (Там же). Феминистское ведьмовство, наиболее активно разрабатывающее вопросы гендера, не настаивает на спасительной необходимости союза мужчины и женщины, но все же видит мир и магию не бесполоыми, а несущими явственные феминные характеристики. Например, для их богословия важным является догмат о том, что Богиня дает начало миру не интеллектуально-волевым актом творения, а материальным и стихийным актом рождения – она буквально рождает космос и всех живых существ [7, с. 39]. Это ставит в начало и центр мироздания сугубо женский физиологический акт. При этом рождению мира не предшествует его зачатие – космология феминистского ведьмовства не нуждается в мужском физиологическом акте для объяснения начала бытия.

Отдельным и значительным предметом обсуждения в неоязыческой литературе являются так называемые «женские ценности». Согласно мнению сторонников этой идеи, муж-

ская ценностная шкала начинается с индивидуалистического утверждения своего эго, его обособления от окружающего мира. Отсюда – привычка рассматривать все явления как отдельные друг от друга. Напротив, для женщин ценностью является основанная на эмоциях и интуиции взаимосвязь всех людей и явлений. Здесь пределы эго не столь определены, т.к. женщинам свойственно «вбирать» близких людей в границы своей личности. Следовательно, альтруизм, эмоции, забота об окружающем мире рассматриваются неоязычниками как феминные ценности [6, с. 173; 7, с. 40]. Кроме того, в 1980–2000-х гг. в неоязыческой идеологии происходит заметная валоризация женских физиологических состояний и переживаний, связанных с телесностью.

Неоязыческие авторы однозначно ставят патриархальным религиям в вину противопоставление мужского и женского, приравнивание мужского полюса кверху, небу, власти, интеллекту и духу, а женского – к низу, земле, слабости, эмоциям и плоти. В результате «...женщины изображаются как еще более падшие, чем мужчины, более плотские, более погруженные в мирское» [2, с. 169]. Но парадоксально, что вне контекста межрелигиозной дискуссии, когда речь не идет о вине традиционных религий в угнетении женщин, теоретики неоязычества сами признают, что женщина ближе к природе и эмоциям, что она более плотское существо, чем мужчина. Таким образом, отвергнутый постулат традиционных религий возвращается и утверждается вновь, сменив только оценочную характеристику: отныне близость к земле и зависимость от телесных процессов рассматриваются как возвышенное и потенциально спасительное состояние, как доказательство права женщины на роль связующего звена между человечеством и космосом.

Писательницы С. Шредер и С. Кук видят основания женской духовности, во-первых, в таких физических процессах, как менструальный цикл, менопауза, деторождение и лактация; а во-вторых, в ежедневных женских обязанностях – уборке и украшении дома, приготовлении пищи, установлении внутрисемейных отношений [8, с. 3]. Впрочем, даже отсылки к женской трудовой рутине встречаются не очень часто, и, таким образом, стряпневый сюжетом для практикуемых неоязычниками «женских мистерий»

остается воспевание телесности. Звездный Ястреб описывает религиозный катарсис при осознании того, что она может считать свое тело священным «во всей его женственности, с грудью, вульвой, маткой и менструальными истечениями» [12, с. 2].

Язычницы, собравшиеся в 1984 г. для участия в семинаре «Женская магия», решили начать обсуждение с выработки списка дефиниций, что же такое «женские мистерии», или почему феминность свята. В получившемся списке из десяти утверждений только два касаются социально-психологических особенностей женщин: «Женщины ближе к смерти, поскольку именно они часто ухаживают за умирающими и говорят с умершими»; «Женщины создают общины с интимно-личностными отношениями, в которых они выказывают друг другу любовь и поддержку». Все остальные восемь пунктов списка трактуют способность женщины производить новую жизнь изнутри себя и самой изменяться в процессе, а также лактировать и менструировать [11, с. 222–223].

Феминистская жрица Р. Баррет определяет «женские мистерии» так: «... рождение, менструация, вынашивание и выкармливание, менопауза и смерть, то есть женская способность создавать жизнь, поддерживать жизнь и возвращать наши тела к источнику смерти» [1, с. 186–187]. Ведьма Кэтрин называет рождение ребенка основным религиозным событием, поскольку оно объединяет себя и другого, боль и радость, порождает жизнь, хотя сама роженица стоит в этот момент на пороге смерти [11, с. 218–219]. С психологической точки зрения интересно, что автор высказывания не замечает, что рождение ребенка как раз представляет собой не воссоединение, а разделение прежде единого целого на два отдельно существующих организма, выделение другого из себя. На практическом уровне рождение ребенка неоязычницей может стать предметом специального ритуала, названного заимствованным у индейцев навахо термином «путь благословений» [10, с. 130].

Такое внимание к ритуалам деторождения представляется нам вполне естественным. Беременность и роды – сильнейший гормональный, физический и психологический стресс, появление ребенка изменяет семейный и общественный статус женщины и ее эмоциональный мир, накладывает на нее новые обязанности и ограничения.

На этом фоне парадоксальным выглядит то, что для феминистского ведьмовства самым значимым из «женских таинств» является все же не деторождение, а менструация, событие намного более рутинное и в принципе лишнее какой-либо этической нагрузки. Тем не менее это не мешает язычницам с гордостью определять себя так: «женщина – это существо, у которого ежемесячно идет кровь» [11, с. 227]. Именно к началу менструаций у девушки приурочены женские инициации в большинстве феминистских неоязыческих объединений (Там же, с. 234). И во время прочих обрядов менструирующие участницы находятся на особом положении. На праздновании полнолуния в одном из дианических кавенов, описанном В. Гриффин, женщины «в их лунное время» прикалывали к одежде пучок трав, перевязанный красной лентой. Молодая язычница позже выражала исследователю свой восторг: «Лунное время! Какое прекрасное понятие! Если ты менструируешь, ты особенная. У тебя есть этот невероятный дар, которым тебя наделило твоё тело, нечто, чем можно гордиться! И мы должны были носить красные ленточки, чтобы все вокруг тоже знали это и гордились нами!» [7, с. 42].

В общине «Риклэйминг» даже изобретен миф, объясняющий возникновение женских циклов. Согласно ему, некогда все женщины жили на одном острове, все мужчины – на другом. Но однажды на остров женщин приплыл мужчина. Через некоторое время он стал скучать по своим братьям и попросил женщин поехать вместе с ним и создать новое смешанное общество. И тогда среди женщин первый раз возникло разногласие, потому что одни из них хотели ехать, другие предпочитали оставаться и жить по-прежнему. И в этот момент явилась Лунная Богиня и сказала им: «Я всегда знала, что это случится, что придет время, и вы, бывшие сестрами, будете разлучены. Но чтобы вы помнили свое происхождение и общие корни, ваши тела будут кровоточить раз в месяц. И хотя вы выбираете разные судьбы, вы будете всегда знать и помнить, что вы сестры». И перед отъездом женщины, в последний раз собравшиеся все вместе, отпраздновали ритуал крови, «и никогда прежде луна еще не светила такая яркая и серебряная» [11, с. 226].

Этот миф достаточно многое говорит о гендерном видении духовных феминисток.

Во-первых, симптоматично, что изначально мужской и женский миры были разделены и в первобытном раю не было мужчин. А появление мужчины, хотя и не носящее характер вторжения, все-таки разрушило гармонию золотого века и вовлекло обитательниц древнего Эдема в низменное и полное страданий пространство истории. Во-вторых, менструации мыслятся как знак сестринской любви и единства, они, таким образом, привязывают женщину не к ее прокреативным функциям, а к другим женщинам, символизируя их равенство и взаимосвязь. Записавшая этот миф Д. Саломонсен объясняет такое преимущественное внимание к менструациям следующим образом: «... акцент на кровь, а не на сексуальность женщины или ее репродуктивные возможности показывает, что само наличие гендера важнее, чем сексуальная идентичность» [11, с. 132]. Таким образом, именно менструации символизируют для неоязычников женщину вообще, поскольку они являются своего рода общим знаменателем для всех женщин: гетеро- и гомосексуальных, одиноких и имеющих партнера, рожавших и нерожавших.

Помимо того, мы считаем значимым и протестный, контркультурный аспект сакрализации женских кровотечений. В большинстве известных религий месячные очищения женщины ассоциировались с бытовой и ритуальной нечистотой. Женщина в этот период могла осквернить собой других людей и предметы, особенно все, что имело связь со сферой духовного. В современном западном обществе такое отношение, по крайней мере на сознательном уровне, изжито, но менструации по-прежнему символизируют некоторую ограниченность возможностей женщины по сравнению с мужчиной, в частности, на рабочем месте. В ответ феминистское ведьмовство прославляет менструацию как предмет гордости, а не стыда и лучшее время для общения с богами, бросая тем самым вызов традиционному обществу и его культуре.

Но при этом сакрализация женского тела никогда не переходит в воспевание женской телесной красоты. Напротив, как в литературе, так и в практической жизни идеальная женщина в феминистском ведьмовстве некрасива и немолода. На собрании кружка ведьм из «Риклэйминга» участницы, не сговариваясь, начинают раздеваться, «пока большинство из них не остается совершен-

но голыми, гордясь толстыми ляжками, шрами и растяжками после родов, отвислыми грудями и животами» [11, с. 221]. Подобным же образом неоязыческая феминистская литература акцентирует значение темного лика богини: хаотичного, разрушающего и уродливого. «В этой литературе дочери патриархата красивы. Темная богиня – какая угодно, только не красивая. И в отличие от “маскулинизированных” женщин патриархата темная богиня феминна по своей сути», – пишет Т. Лурман [9, с. 228].

Именно в этом – главная причина поэтизации женского уродства. С точки зрения феминистского ведьмовства, женская красота нужна не самой женщине, она удовлетворяет сексуальные желания мужчин, поэтому патриархальное общество налагает на женщин непереносимое обязательство быть красивыми. А женщина, подлинно свободная от всякого внешнего контроля и распоряжающаяся своим телом ради себя самой, по определению некрасива. Дополнительную привлекательность образу уродливой богини придает его психологически-либерализующий эффект. Принятие такого божества означает, что язычница отныне может принимать себя такой, какая она есть, со всеми возрастными и физическими недостатками, и обратить их в предмет гордости, а не повод для смущения или мучительной коррекции. Такому же переосмыслению подвергается и понятие девственности. В рассуждениях неоязычниц девственность как отсутствие сексуального опыта у девушки нужна только мужчине, который хочет быть уверен в том, что контролирует всю сексуальную жизнь своей жены с самого начала. Поэтому, называя ту же Диану богиней-девственницей, они имеют при этом в виду, что она не зависит от своих любовников [5, с. 39].

Таким образом, идеал феминистского ведьмовства основан на целом ряде парадоксов. Это прославление женского тела, но при этом представление его как старого и безобразного, протест против дуалистического отнесения женщины к миру плоти, противопоставляемому миру духа и интеллекта. В то же время интеллект ценится меньше, чем женские качества – эмоции и интуиция, женщина как таковая определяется исключительно через ее физиологические процессы. Взаимосвязь и взаимозависимость с другими людьми объявляются базовой женской ценностью,

но одновременно активно отрицается любая форма зависимости от мужчины – вплоть до полного исключения мужчин, на образном-мифологическом уровне, даже из сексуального акта и процесса зачатия.

Литература

1. Barrett R. The Power of Ritual // *Daughters of the Goddess: Studies of Healing, Identity and Empowerment*. Walnut Creek, CA : Atamira, 2000. P. 178–192.
2. Bednarowski M.J. The New Age Movement and Feminist Spirituality: Overlapping Conversations at the End of the Century // *Perspectives on the New Age*. Albany, N.Y.: State University of N.Y. Press, 1992. P. 167–188.
3. Crowley V. *Wicca: The Old Religion in the New Millenium*. London : Thorsons, 1996.
4. Farrar S., Farrar J. *A Witch's Bible Complet*. N.Y. : Magickal Childe Publishing, 1991.
5. Goldenberg N. *Changing of the Gods: Feminism and the End of Traditional Religions*. Boston : Beacon Press, 1979.
6. Greenwood S. *Magic, Witchcraft and the Otherworld. An Anthropology*. N.Y. : Berg, 2000.
7. Griffin W. *The Embodied Goddess: Feminist Witchcraft and Female Divinity*// *Sociology of Religion*. 1995. Vol. 56. №1. P. 35–48.
8. Jorstad E. *New Wave of Women's Spirituality Books Focus on Gender Differences* // *Religion Watch*. 1996. Feb.
9. Luhrmann T.M. *The Resurgence of Romanticism. Contemporary Neopaganism, Feminist Spirituality and the Divinity of Nature* // *Environmentalism. The View from Anthropology*. London – N.Y. : Routledge, 1993. P. 219–232.
10. Pike S.M. *New Age and Neopagan Religions in America*. N.Y. : Columbia University Press, 2004.
11. Salomonsen J. *Enchanted Feminism. Ritual, Gender and Divinity among the Reclaiming Witches of San Francisco*. London – N.Y. : Routledge, 2002.
12. Starhawk *The Spiral Dance. A Rebirth of the Ancient Religion of the Great Goddess* / 2nd ed. San Francisco : Harper & Row, 1989.

Experience of feminity forming in the culture of American neoheathenism

There is considered the gender world picture of the modern American neoheathenism, in particular, specific for this culture assessment of feminity, its essence and properties. There are revealed the contradictions connected with forming of new feminity.

Key words: *neoheathenism, feminity, gender status, feminine values, sacralization of the corporal.*